

Антирубрика

В этом году исполняется 125 лет со дня рождения Б. Шоу. Предлагаем читателям пьесу «Деревенское сватовство», которая была написана в 1933 году, опубликована и поставлена на сцене в 1936 году.

Уже в преклонном возрасте Б. Шоу много путешествовал, но работать не переставал даже во время путешествий. В письме другу он сообщает о любопытном способе оберегать себя от посторонних:

«Я научился безошибочно выбирать из публики какую-либо беззащитную даму, которая только и жаждет подружиться со знаменитостью. Найдя ее, я ставлю свое кресло на палубе рядом с ее креслом и спрашиваю при этом, не будет ли она против, если я вместо беседы поработаю над своей новой пьесой. Она приходит в неопишуемый восторг оттого, что на ее долю выпала роль защитницы Джи-Би-Эс, отчаянно машет руками, отгоняя всякого, кто захочет подойти ко мне, и шепчет при этом: «Мистер Шоу работает над новой пьесой». Так я завожу нового друга и обеспечиваю себе полнейший покой на все время путешествия»¹.

Шутка шуткой, а может быть, так и была написана маленькая комедия для двух голосов под названием «Деревенское сватовство».

БЕРНАРД ШОУ

ДЕРЕВЕНСКОЕ СВАТОВСТВО

Маленькая комедия для двух голосов

Перевод с английского ГРИГОРИЯ БАБЕНЫШЕВА
и ЛЮДМИЛЫ БИНДЕМАН

ПЕРВЫЙ РАЗГОВОР

Палуба туристского парохода «Императрица Патагонии». В двух креслах сидят: А — бледный господин лет под сорок, с виду литератор, в зеленых очках, с жиденькой черной бородкой, в белом чесучовом тропическом костюме, что-то усердно пишущий, и Я — молодая женщина приличной, но не аристократической внешности, скучающая над книгой. Она в купальном костюме и скромно прикрылась не слишком яркой шалью.

Я. Простите, будьте добры сказать, который час?

А (резко). Одиннадцать.

Я. На моих часах половина одиннадцатого.

А. Прошлой ночью часы перевели на полчаса вперед. Мы плывем на восток.

Я. Мне кажется, что, когда путешествуешь, очень интересно переводить стрелки часов!

А. Я рад, что вас так легко заинтересовать. (Демонстративно принимается писать.)

Я. Значит, стюард начнет разносить суп через полчаса. Я думала, придется ждать еще час.

А. Я никогда не беру суп. Отрывает от работы.

Я. Почему вы все время работаете? Ведь не для этого отправляются в увеселительную поездку, верно?

А. Работа — мое единственное развлечение.

Я. Ну разве так можно, послушайте! Да на вас смотреть жалко, все сидите и пишете, ничем себя не порадуете, даже ложечкой супа. Вам бы немного встряхнуться, побросать кольца на палубе. Сразу почувствуете себя лучше.

А. Я чувствую себя прекрасно, благодарю вас. И я ненавижу палубные игры, особенно бросание колец. Эти дурацкие кольца нарушают тишину, когда шлепаются на палубу.

Я. Ага, теперь понимаю. Вот почему вы всегда сидите на этом конце палубы. А я-то все думала: почему бы это?

А. За последние две недели вы познакомились с бесценными памятниками древ-

¹ Э. Хьюз, Бернард Шоу. Москва, 1968.

- ности в Неаполе, Афинах, Египте и Палестине. Пожалуйста, займите ими свой ум, пока не принесут суп.
- Я. Меня никогда не интересовала география. Кстати, где мы сейчас?
- А. На Красном море.
- Я. Но оно синее.
- А. А каким, по-вашему, оно должно быть?
- Я. Ну, откуда мне знать, какого цвета море в этих краях? Я всегда думала, что Красное море должно быть красным.
- А. Так вот, оно не красное.
- Я. А разве Черное море не черное?
- А. Оно такого же цвета, как в Маргите.
- Я (горячо). Ах, я так рада, что вы знаете Маргит! Нет лучшего места в разгар сезона, правда?
- А. Не знаю. Никогда там не был.
- Я (разочарованно). О, нужно побывать. Вы могли бы написать книгу о Маргите.
- А пожимает плечами, вздыхает и делает вид, что усердно пишет. Пауза.
- Я. Интересно, почему они называют это море Красным?
- А. Потому что так называли это море их отцы. Почему вы называете Америку Америкой?
- Я. Потому что это Америка. Как ее еще назвать?
- А. Ах, называйте как угодно, дорогая. Мне нужно написать до второго завтрака пятьсот слов, а я их не напишу, если буду с вами разговаривать.
- Я (сочувственно). И правда ужасно, когда не хочешь разговаривать, а приходится. Да, я кое-что вспомнила. Могу рассказать вам такую интересную новость. Мне кажется, мужчина в соседней каюте бьет свою жену.
- А. Я его понимаю. Некоторые женщины любого доведут до бешенства.
- Я. Так, назерное, и с ним, начинает всегда она.
- А. Разумеется.
- Я. Ненавижу придир, а вы?
- А. Как женщина, вы имеете привилегию прекратить разговор. Пожалуйста, воспользуйтесь ею, не заканчивайте каждую фразу вопросом.
- Я. Вы забавный.
- А. Я? Забавный? Сейчас меньше чем когда-либо.
- Я. Никак вас не пойму. Я довольно хорошо разбираюсь в людях, а вас не разгадаешь.
- А. Я здесь не затем, чтобы меня разгадывали. И вам рекомендую не разгадывать людей, а наслаждаться радостями, за которые вы заплатили. Теннис, кольца, крикет, гольф, мяч, бассейн, гимнастический зал — все к вашим услугам.
- Я. Я плохо знаю игры, а потом они глупые. Лучше сидеть и разговаривать.
- А. Так, ради бога, найдите себе другого собеседника. У меня нет времени для разговоров. Мне нужно отработать проезд.
- Я. Что значит — отработать проезд? Ведь вы не моряк.
- А. Нет, не моряк. Я с грехом пополам оправдываю поездку на пароходе тем, что пишу книжку для путеводителей серии «Марко Поло». Если не сделаю две тысячи слов в день — я банкрот. А я не смогу их одолеть, если вы будете упорно продолжать разговаривать со мной.
- Я. Значит, вы пишете книгу об этой поездке?
- А. Пытаюсь. С большим трудом.
- Я. Я буду в книге?
- А. (угрюмо). Будете.
- Я. Как интересно! Обо мне никогда не писали в книгах. Вы мне прочтете, что напишете обо мне, да?
- А. Когда книжка выйдет, можете читать в свое удовольствие.
- Я. Но я хочу, чтобы вы меня описали верно. В конце концов что вы обо мне знаете? Хотите, я расскажу вам всю свою жизнь?
- А. Избави бог, нет! Прошу вас, не надо!
- Я. А мне все равно, кто ее узнает.
- А. Это ясно. Вряд ли вы предложили бы рассказать ее совершенно чужому человеку, если бы вам это не было безразлично и если бы ваша жизнь представляла хоть малейший интерес...
- Я. Так я и не считаю вас чужим. Мы путешествуем вместе на одном пароходе, верно? А большинству людей моя жизнь показалась бы настоящим романом. Вы в самом деле не хотите, чтобы я ее рассказала?
- А. Нет, уверяю вас, когда мне нужны романы, я придумываю их сам.
- Я. Ну, может, вам это и не покажется таким уж увлекательным, но я не могу на себя нарадоваться. Вот и вы, наверное, думаете, что, если я шикарно одета, путешествую в люксе и все такое, значит, я образованная дама. А я вовсе не такая.
- А. Ни минуты не думал.
- Я. Но откуда вы знаете? Как вы это открыли?
- А. Я ничего не открывал. Я знал.
- Я. Кто вам сказал?
- А. Никто не говорил.
- Я. Как же вы узнали?
- А. (раздраженно). Как я узнаю, что попугай не райская птица?
- Я. Они разные.
- А. Правильно.
- Я. Вот то-то и оно, видите. Ну а за кого вы меня примете, если встретите в вагоне третьего класса?
- А. Я вас не замечу.
- Я. Ручаюсь, заметите. Может быть, я не красавица, но как зайду в вагон, на меня каждый мужчина взглянет.
- А. Я — не каждый. Обыкновенный мужчина думает, что каждая женщина, входящая в вагон, может оказаться той, какая ему нужна. Но он всегда обманывается.
- Я. Так и женщины, правда? Будь вы женщиной, знали бы.
- А. Я и есть женщина. А вы мужчина, с тем небольшим отличием, которое имеет значение только в особых случаях.
- Я. Ах, какие вещи вы говорите! Никогда бы в это не поверила. Я знаю, конечно, у мужчин есть свои слабости, свои настроения. Но все равно в мужчине есть что-то чудесное, чего никогда не жди от женщины. Разве не так?
- А. Неопытные мужчины думают: в женщине есть что-то чудесное, чего нет в

мужчине. Отсюда много несчастливых браков.

Я. Вы женаты?

А. Вдовец. А вы?

Я. Ну вот, в первый раз задали мне вопрос. Мы продвигаемся вперед, правда?

А. Нет, моя работа нисколько не продвинулась.

Я. Вы интеллигент, правда?

А. Что вы хотите сказать, называя меня интеллигентом?

Я. Только то, что вы считаете меня идиоткой и, наверно, были плохим мужем.

А. Вы совершенно правы и в том, и в другом.

Я. Я так и думала.

А. А теперь, пожалуйста, позвольте мне продолжить работу.

Я. Сделайте одолжение, я вам не мешаю.

А. Благодарю вас. *(Принимается писать.)*

Пауза.

Я. Какие книги вы мне посоветуете прочесть, чтобы набраться ума?

А *(в бешенстве)*. Стюард!

Я. Ах, не беспокойте сейчас стюарда. Он разносит суп.

А. Я хочу, чтобы он перенес мое кресло в самый дальний угол парохода.

Я. Я всегда говорила, что на том конце прохладнее. Позвольте, я тоже перейду туда?

А. Если вы и дальше станете меня преследовать, я выброшусь за борт. Неужели вы не понимаете, что я хочу остаться один и работать, а ваша болтовня мне мешает?

Я *(сочувственно)*. Как это раздражает, если к вам пристают с разговорами, когда не хочется говорить. Ну, а если вы хотите поговорить, а другой не хочет, тоже плохо, правда?

А. На этом корабле триста или четыреста пассажиров. Разве вы не можете найти среди них человека с такой же неутолимой жаждой к разговорам, как у вас?

Я. Да, но мы все должны стараться быть приятными собеседниками.

А. Не в ущерб другим. Вы сейчас не кажетесь мне приятной женщиной. Вы можете довести меня до безумия.

Я. Мой отец любил говорить, что мужчины и женщины всегда доводят друг друга до безумия.

А. Это звучит литературно. Ваш отец писал?

Я. Нет, но он был письмоношцем.

А. Кем?

Я. Письмоношцем. Сельским письмоношцем.

А. Ха-ха! Ха-ха-ха!

Я. Что в этом смешного?

А. Не знаю. Ха-ха! Письмоношца дочка, губки — кораллы! Дай масла полгоршочка, сыру и сала. Ха-ха!

Я. Что ж, я рада, что позабавила вас. Но думаю, с вашей стороны не очень вежливо смеяться над моим отцом.

А *(опомнившись, корректно)*. Вы правы. Я вел себя грубо. Но хороший смех для меня сокровище. Я чувствую себя другим человеком. Извините меня. Понимаете, вы передали слова вашего отца — почти афоризм, — которые пока-

зывают, что он, наверно, гениальный человек.

Я. Да, у него гениальная способность к ходьбе.

А. К чему?

Я. К ходьбе. Еще мальчишкой он завоевал приз Юного Пешехода. А мать моя, представьте, ужасная домоседка. Всегда ворчит, даже если ей приходится выйти в лавочку за покупками. А когда у нас появился телефон, она совсем перестала выходить из дому.

А. Странно. Если она никуда не выходит, а он никогда не сидит дома, в семье должен царить мир. Но его замечание о мужчинах и женщинах, доводящих друг друга до безумия, скорее говорит об обратном.

Я. Так оно и было. Она все жаловалась на одиночество, а он требовал, чтоб она больше двигалась. Когда они не ссорились из-за этого, то ссорились из-за меня. Все прочили мне большое будущее. Мать хотела, чтобы я стала горничной в богатой семье, отец — чтоб я стала оператором телефона. Он говорил, что у богатых семей нет будущего, а у телефона — большое будущее.

А. А вы сами? У вас не было никаких стремлений?

Я. О, мне хотелось чего-нибудь романтического. Например, быть акробаткой в цирке.

А. Что ж получилось на деле?

Я. Я стала продавщицей и оператором телефона в сельской лавке.

А. Разве продавщицы в сельских лавках и телефонистки...

Я. Операторы.

А. Извините, операторы. Разве они зарабатывают так много, чтобы пускаться в увеселительные кругосветные путешествия?

Я. Нет, но мне достался первый приз на конкурсе, который устроила одна газета. Мать советовала отложить деньги, говорила, что они помогут мне заполучить бережливого мужа. А отец посоветовал промотать все сразу, раз уж подвернулся такой случай. Ты, говорит, всю жизнь будешь сводить концы с концами, а сейчас есть случай пожить четыре месяца так, будто у тебя пять тысяч фунтов годового дохода. Не упускай его, посмотри, на что это похоже. Хватай эту радость, у тебя никто ее не сможет отнять, раз она выпала тебе на долю. Он предлагал путешествовать пешком и останавливаться на ночь в лучших отелях. Но я выбрала морскую прогулку. Тут больше шикарных туалетов, есть на кого посмотреть. А ходить я могу сколько угодно по палубе. Когда кончится плавание, я вернусь в сельскую лавку без медяка в кармане.

А. Здесь догадались, что вы не леди?

Я. Американцы в этом не разбираются: говорю, будто по телефону, а им это кажется аристократичным. А англичане все равно ни с кем не разговаривают. И многие из них точно такие, как я.

А. Ну, а как вам понравилась жизнь на уровне пяти тысяч в год? Стоит так пожить?

Я. Пока это в новинку, да. Когда вы дома, надоедает делать каждый день одно и то же, надоедают те же места, те же лица, вся та же старая карусель. Когда получаешь отпуск, едешь в битком набитом душном вагоне к морю, терпишь усталость и лишения — все, лишь бы набраться новых впечатлений. Чего не сделаешь ради этого. А здесь все беспрестанно меняется, и в конце концов начинаешь понимать, что значит иметь свой угол, что-то постоянное. Я не прочь попасть домой, к своей лавчонке и телефону. Порой такая страшная тоска одолевает. А еще временами кажется, что это глупая трата денег. Я ненавижу зря тратить деньги!

А. Это чрезвычайно привлекательная черта вашего характера. Жена любила бросать на ветер мои деньги. Держитесь своего правила, и вы моментально выйдете замуж.

Я. О, у меня было сколько угодно предложений. Но, знаете, ужасно стать женой бедняка, когда привыкнешь к чистой, приятной работе. Сколько я видела милых, веселых девушек, и все они превратились в старых грязных поденщиц, как вышли замуж.

А. Не будьте белоручкой. Вот у меня чистая работа, а мне часто хочется быть чернорабочим, чтобы поразмять мускулы, укрепить здоровье. У женщин пристрастие к людям в белых воротничках, и они делают своих сыновей клерками, хотя те были бы куда крепче и куда больше зарабатывали, будь они землекопами. Я бы хотел быть землекопом, а не писать путеводители.

Я. Что вам мешает?

А. Нет привычки к физическому труду. Через полчаса такой работы я света бы не взвидел. А землекопы, посади их на мое место, через пять минут объявят забастовку. Я только машина — машина, которая пишет, а землекоп — машина, которая роет.

Я. Мне кажется, мир плохо устроен. А вам?

А. Нужно принимать мир таким, как есть. Это мы плохо устроены.

Я. Вот об этом я и говорю. Ну хорошо, я понимаю, что не должна мешать вам работать.

А. Вы хотите сказать, что стюард, наконец, принесет суп?

Я. Да, уже половина двенадцатого.

Появляется стюард и предлагает суп Я, которая поспешно берет его. Потом он подносит гарелку А.

А. Нет, благодарю. Я не хочу супа.

Ему никто не мешает. Он целиком занят работой. Она — супом.

ВТОРОЙ РАЗГОВОР

Сельская лавка (в ней же находится почта) в Уилтшире ясным летним утром. Большая часть прилавка отведена для торговли всякими товарами, но один конец отгорожен для почтовых операций. Стоят два стула для покупателей. Среди

выставленных для продажи товаров — имбирное пиво в глиняных бутылках, плитки молочного шоколада, на прилавке всюду расставлены банки со сладостями, засахаренным миндалем; около весов — сыр, масло и хлеб; перед прилавком на полу мешок яблок, на стропилах висят сетки для продуктов.

Я (ее не видно). Три-и-де-ее-вять. Извините, такого номера нет. Кто-о-о вам нужен? Доктор Байлз? Один пя-я-ять. Соединяю.

Входит А. Он в походном костюме, с палкой и рюкзаком, но вместо шорт на нем хорошо скроенные бриджи. Не видя никого, кто мог бы его обслужить, он громко стучит палкой по прилавку. Появляется Я.

А. Дайте плитку молочного шоколада...

Я. Благодарю вас.

А (продолжает). ...пару твердых яблок...

Я. Благодарю вас. (Она выходит из-за прилавка, чтобы достать яблоки из мешка.)

А (продолжает). ...четверть фунта сыра чеддер...

Я. Благодарю вас.

А. Не перебивайте. Сможете выразить благодарность за покупки, когда я кончу. Четверть фунта вашего лучшего масла, маленькую булку хлеба и на два пенни засахаренного миндаля.

Я. Еще что-нибудь?

А. Нет, спасибо.

Я. Благодарю вас. (Она возвращается за прилавком, чтобы взвесить масло и сыр.)

Он садится и смотрит, как она ловко, не торопясь, делает свое дело.

А. У вас есть корзинки?

Я. У нас есть все. Не лучше ли вам взять сетку? Она удобнее и почти не занимает места, когда пустая.

А. Что это такое — сетка? Покажите.

Я (выходит и снимает сетку). Это самая дешевая. Или вы хотите получше, на молнии?

А. Конечно нет. Мне пришлось бы возиться с ней, открывать и закрывать, а потом еще тревожиться, откроется ли она, не получая взамен никаких удобств.

Я. Это на вас похоже. Вы ни капельки не изменились.

А. Что вы хотите сказать? Я и двух минут не пробыл в этой лавке. Почему я должен за это время измениться?

Я. Извините. Мне не следовало этого говорить. Вы возьмете сетку?

А. Да.

Я. Благодарю вас. Положить в нее остальные покупки?

А. Конечно. Зачем же, по-вашему, я ее купил? У вас есть снятое молоко?

Я. Извините, мы его не держим.

А. А имбирное пиво?

Я. Да, очень хорошее, местного производства.

А. Засуньте бутылку в сетку.

Я. Благодарю вас.

А. Сколько раз за день вы говорите «благодарю вас»?

Я. Зависит от числа покупок.

А. Не говорите мне больше, пожалуйста. Это мне действует на нервы.

Я. Сначала и мне действовало на нервы. Но я привыкла.

А. У вас есть путеводитель по этому поселку?

Я. К сожалению, нет. В церкви есть листок, его написал викарий. За него полагается опустить в кружку два пенса. Извините, у нас шоколад за два пенса, шесть пенсов и шиллинг. Какой вы хотите?

А. Жалок человек, не знающий радости. Возьму за шиллинг.

Я. Благодарю вас.

А. Довольно!

Я. Извините, ничего не могу поделать. Говорю машинально, как если бы вы нажали кнопку.

Звонит телефон.

А. Вот кто-то нажал кнопку.

Я *(исчезает за перегородкой, где почта)*. Какой номер? Уайтхолл о-о-один два о-о-один два. Я вам позвоню. Уайтхолл один два один два. Да. *(Возвращается.)* Это из полиции.

А. Вам незачем сообщать мне это. Преступник не я.

Я. О, это не преступник. Какой-то человек, про которого передавали по радио, что он исчез. Вы знаете, как это бывает. Не возвращался домой с первого января. В последний раз его видели на палубе «Императрицы Патагонии», он сидел в кресле и беседовал с какой-то женщиной. Страдает потерей памяти.

А. Это поразительно...

Опять звонит телефон.

Я. Извините. *(Исчезает.)* Соединяю с Уайтхоллом. *(Возвращается.)*

А. Какое странное совпадение! Верьте мне или нет, но в январе я сидел на палубе парохода, который назывался «Императрица Патагонии», а разговаривал с женщиной, вернее, она со мной разговаривала. До чего же болтлива была эта женщина!

Я. И вы страдаете потерей памяти?

А. Конечно нет. Я никогда ничего не забываю.

Я. Значит, это не вы, не так ли?

А. Ну вот! Не так ли? Эта женщина всегда заканчивала фразы словами «да?» «не верно ли?», «не так ли?». Приходилось отвечать ей из простой вежливости. Берегитесь, как бы это не вошло у вас в привычку, не то вас когда-нибудь убьют.

Я. Да, бывают такие женщины. И знаете, чаще всего у них карие глаза.

Актриса называет цвет своих глаз.

Вы не заметили, какие у нее глаза?

А. Нет, я никогда не замечаю подобные вещи. Я не детектив. Характер людей — вот что мне запоминается. Я не скажу вам, какого цвета у нее волосы или какой формы нос, но могу сказать, что она была чертовски надоедлива. Сколько с меня за все это?

Я. Сетка шесть пенсов, шоколад — шиллинг шесть пенсов, имбирное пиво...

А. Избавьте меня от деталей. Десять шиллингов хватит?

Я. О да, конечно. Разве можно так небрежно относиться к деньгам?

А *(протягивает бумажку)*. Нельзя ли без наставлений? Вот возьмите и дайте сдачу.

Я. Минуточку. Восемнадцать пенсов и четыре за имбирное пиво, это будет шиллинг и десять пенсов, не так ли?

А. Разве я спорю?

Я. Сыр три пенса, два и пенни; масло шесть пенсов; два и семь пенсов; яблоки мы продаем на фунты. Может, возьмете фунт?

А. А сколько их в фунте?

Я. Три.

А. Я не съем более двух зараз. Возьмите с меня за фунт и съешьте лишнее яблоко сами.

Я. Ну хорошо, пусть будет три пенса за два; значит, два шиллинга десять пенсов, верно?

А. Не знаю.

Я. Хлеб два пенса и полпенни. Три шиллинга и полпенни. Может, у вас найдется полпенни, а то придется дать вам сдачу медяками?

А. Терпеть не могу полпенни, всегда их выбрасываю. Хотя постойте! Нашлась монетка. Вот она.

Я. Благодарю вас. *(Отсчитывает сдачу монету за монетой.)* Три, четыре, пять, семь и шесть, десять. Благодарю вас.

А *(кладет в карман сдачу, но продолжает сидеть, удобно расположившись на стуле)*. Вам не кажется, что довольно скучно сидеть весь день напролет в этой сельской лавке и повторять «благодарю вас»?

Я. Да все равно, где бы вы ни были, вы день напролет заняты одним и тем же. Единственный способ позабыть про это — поселиться в одном месте и держаться одной работы. Тогда не приходится думать. Вот так люди здесь и живут, и очень долго живут — восьмидесятилетние тут не считаются стариками. Моему деду в августе стукнет сто два. Он никогда не ломал голову над тем, чем бы ему заняться либо куда поехать. Он просто воображает себе всякую всячину. Только так и можно прожить долго и счастливо.

А. Но если в вашем воображении всего лишь одна деревня, оно довольно-таки бедное. Как вам понравится жить в комнате, где только один стул?

Я. Да если у вас всего одно седалище, на что вам больше стульев? Вон там, в большой гостиной замка, тридцать шесть стульев. Но мадам Сижу не может занять больше одного, правда?

А *(указывая на свободный стул)*. Позвольте предложить вам сесть на этот стул, пока мы разговариваем.

Я *(сидясь)*. Благодарю вас.

А. Надеюсь, я не мешаю вашей работе? Ничто так не выводит из себя, как болтовня, когда хочешь работать.

Я. Разговаривать — это тоже отчасти работа в сельской лавке.

А. Скажите, вы когда-нибудь читаете?

Я. Читала раньше книги о путешествиях и путеводители. Мы собирали книжки из серии «Марко Поло». Я помещалась на

путешествиях, только и думала что о былой красе Греции, Рима и прочей чепухе.

А. Чепухе?

Я. Ну, это я, пожалуй, зря. Так вот, я и съездила, наконец, в Рим и Афины. Хорошие города, ничего не скажешь. Да только в их старых частях все наполовину поломано, никак не пойму, чем по красе и величию они отличаются от Челтнема. Я обрадовалась, когда вернулась домой. Но до чего же мне хотелось встретиться с человеком из агентства «Марко Поло», побродить с ним при луне среди развалин, послушать, как он станет их расписывать.

А. Человек из агентства! Человек из молочной! Почтовик! Булочник! Человек из агентства! Этаким неудавшийся поэт! Добывает себе на хлеб, цитируя обрывки стихов, чтобы пробудить влечение к Востоку у мечтательных девушек с телефонной станции.

Я. Операторов.

А. Операторы не мечтают. Девушки! Девушки золотого Запада! Что ж, этот бедняга пробудил в вас влечение к Востоку?

Я. Я знала его по романам и фильмам. Все они про унылых пьяниц, про покорителей сердец и девиц того пошиба, что сходят по ним с ума. Вот я и отправилась в кругосветное путешествие, чтобы наконец посмотреть, как все выглядит на самом деле. Красивые места, что и говорить. Но какая жара! Москиты! Вонь! Поездила — и от того мира, что сама придумала, ничего не осталось! Никуда не хочу из своей деревни.

А. И вас не охватывал трепет там, где поэт сказал: «Стой! Прах империи ты топчешь тут!»¹?

Я. Это вы о гиде? Он где хочешь найдет поэзию. А ты все время думаешь, сколько ему надо заплатить. Если уж вам по вкусу прах империи и всякие другие штучки в этом роде, повидаетесь с нашим викарием и заведите разговор о каменных плитах, могильниках, курганах. Каждая крупца нашей земли, говорит он, насыщена историей. Так и всюду, я думаю.

А. Вы замужем?

Я. Нет. А что? Хотите жениться?

А. Не спешите. Мы знаем друг друга меньше десяти минут.

Я. А разве, по-вашему, вы будете знать меня лучше, если мы проговорим двадцать лет?

А. Вы абсолютно правы, но я должен это обдумать.

Я. Если бы все обдумывали, никто никогда и не женился бы. Вам придется рискнуть, сколько бы вы ни думали.

А. Вы торопитесь.

Я. Что ж, я миновала возраст, в котором здешние девушки выходят замуж, хотя во всей деревне лучше меня не найдешь. Все потому, что я обдумывала каждое предложение. Вот я теперь и решила дать согласие первому же мало-

мальски подходящему мужчине, который попросит моей руки.

А. Так я произвожу на вас впечатление мало-мальски подходящего мужчины?

Я. Ну, думаю, у меня хватит здравого смысла, чтобы держать вас в руках. А вы, как вдовец, знаете, чего можно ждать от женщины. Неопытный мужчина ждет бог знает чего.

А. Откуда вы знаете, что я вдовец?

Я. Вы мне сказали.

А. Я сказал? Когда?

Я. Неважно когда. Сказали. Я уже заметила — у вас плохая память. Но у меня хорошая. Так что это не будет иметь значения.

А. Спокойнее. Спокойнее. Меня еще нельзя привлечь к суду за нарушение обещания.

Я. Не бойтесь. Я не такая. У нас здесь это не принято.

А. Я получу за вами какие-нибудь деньги? Лавка ваша?

Я. Нет, не моя. А деньги, все, какие у меня были, я растранижила в кругосветном путешествии. Но миссис Уорд слишком стара, чтобы вести дело, без меня она не управится. Если вы купите ей пожизненную ренту, она уступит лавку.

А. Я не знаю, сколько стоит рента.

Я. Вы найдете это в альманахе Уитакера¹.

А. Все это довольно неприятно. Почему-то я всегда был убежден, что если я снова женюсь, то возьму женщину с деньгами.

Я. О, это вам совсем не подходит. Она захочет их тратить, бывать в обществе и путешествовать. Разве вы сможете вынести такую жизнь? Да вы же никогда ни с кем не разговаривали на пароходе, а танцы и игры вас ничуть не занимали. Когда прошел слух, что вы из агентства «Марко Поло» — в чьих руках, так сказать, все наши мечты, — я дала себе слово втянуть вас в разговор. И какого труда это мне стоило!

А. Вы хотите сказать, что мы раньше встречались? Что вы были на пароходе в этом кругосветном путешествии?

Я. Конечно была. Но вы никогда ничего не замечали. Вы всегда читаете или пишете. Мир для вас не существует. Да вы же, в самом деле, ни разу не взглянули на меня. Вы робеете перед незнакомыми, да?

А. Я совершенно уверен, что не разговаривал ни с одной женщиной на этом пароходе. Стоит мне заговорить с женщиной, как она всегда хочет женить меня на себе.

Я. Что ж, вы попали в точку! Как только я вас увидела, я сказала себе: «Вот такой человек годится мне в мужья». Я сказала бы это, даже если бы вы не были из агентства «Марко Поло».

А. Любовь с первого взгляда, так?

Я. Ну нет. Знаете, если я полюблю мужчину, я никогда не выйду за него: от такого брака счастья не жди. Но в вас что-то было, сама не знаю что. Я почувствовала, что полажу с вами в доме, ну а потом уж могу влюбиться в кого угодно, не опасаясь, что окажусь в ду-

¹ Байрон. Паломничество Чайльд Гарольда. Песнь третья. Перевод Г. Шенгели.

¹ Ежегодный справочник общей информации.

раках. Наверно, это потому, что вы тихий и не бегайте за женщинами.

А. Почему вы знаете, что я не бегаяю за женщинами?

Я. Ну, если хотите, потому, что вы не бегали за мной. Можете не верить, но мужчины за мной бегают.

А. Почему?

Я. Ах, откуда мне знать? Они сами не знают. Вы не поверите, сколько денег они тратят, покупают ненужные вещи, лишь бы зайти сюда, поглядеть на меня и перекинуться со мной парой слов. Мы имеем на этом не меньше двадцати фунтов прибыли в год.

А (надевает очки и в первый раз внимательно смотрит на нее). Я не назвал бы вас хорошенькой.

Я. Пусть не хорошенькая. Но, можно сказать, соблазнительная, вам не кажется?

А (встревоженно). Нет, не кажется. Позвольте объяснить. Я литератор и джентльмен. Я привык общаться с дамами своего круга. Это значит, что я привык в разговоре к некоторой вполне понятной сдержанности, которая служит необходимой защитой для обеих сторон. Вы не леди, вы деревенская. Вас кой-чему учили, вероятно, в приходской или сельской школе, и этого хватает, чтобы производить впечатление на неосмотрительных или ненаблюдательных путешественников. Окончательную шлифовку вы прошли на телефонной станции, что дало вам отчетливое произношение: вы можете сказать «три-и-и-пя-я-я-ять де-е-евять», не комкая слова. Но вы не научились сдержанности. Вы говорите то, что думаете. Открываете планы, которые воспитанная женщина скрывает. Вы кладете карты на стол, а не держите их там, где дама должна их держать — в рукаве.

Я. Что же в этом плохого?

А. О, ничего плохого. Совсем наоборот. Но я чувствую, что меня подгоняют.

Я. Что вы хотите сказать? Подгоняют?

А. Подгоняют. Тащат. Заводят дальше, чем я собирался идти.

Я. Ну, и это вас куда-то приводит, так?

А. Да. Но куда?

Я. Сюда. Это не секрет. Сюда, в это тихое место, где есть хорошая торговля в сельской лавке, а я буду содержать лавку в порядке и заботиться о вас.

А. Позвольте спросить, насколько весомы слова «заботиться о вас»? Я хочу объясниться. На самом деле, у меня есть небольшая собственность, которую я могу продать и купить ренту для престарелой миссис Уильямс...

Я. Уорд.

А. Думаю, у меня хватит денег, чтобы купить пожизненную ренту и для миссис Уорд, и для миссис Уильямс, поскольку им обоим, наверно, по сто лет. Но скажите, ради бога, зачем мне осложнять сделку женитьбой на вас? Я могу сохранить за вами нынешнюю заработную плату...

Я. Жалованье.

А. Извините, жалованье. Вы остаетесь у меня на прежнем месте продавщицы...

Я. Помощницы.

А. Извините, помощницы. Тогда вы смо-

жете уладить свои брачные дела и предоставите мне уладить свои.

Я. О, я прекрасно улажу свои брачные дела. Можете на меня положиться.

А. Извините, я добавил: «и предоставите мне уладить свои». Могу я на вас положиться в этом?

Я. Хорошо, увидим.

А (с досадой, твердо). Нет, вы не увидите.

Я. Ну, а что же?

А. Не знаю что. Не хочу ничего обещать. Увидим.

Я. Вот так: увидим. Значит, договорились?

А. Нет. Вовсе не договорились. Когда полчаса назад я вошел сюда, у меня не было ни малейшей мысли о покупке этой лавки или женитьбе на деревенской девушке и вообще ни о чем том, чем вы забили мне голову. Вы читали басню о пауке и мухе?

Я. Нет. Но я любила песенку «Жимолость и пчела».

А (решительно). Всего хорошего. (Направляется к двери.)

Я (идет за ним с сеткой в руке). Вы забыли покупки.

А (берет их). Спасибо.

Я. Благодарю вас (тянется к нему, чтобы он ее поцеловал).

А. Нет!!! (Поспешно уходит.)

ТРЕТИЙ РАЗГОВОР

А теперь владелец лавки, а Я у него служит. Против почтового прилавка стоит стол. А сидит за ним и что-то пишет. На нем деревенского покроя брюки из крапчатой шерстяной материи и передник. Он без пиджака и выглядит как самый настоящий лавочник. Через почтовое отделение входит Я. У нее очень бодрый и свежий вид.

Я. Здравствуйте, босс.

А. Доброе утро, невольница.

Я. Ну, положим, я еще не бралась за свой подневольный труд, а вы уж полчаса корпите. И над чем же это вы, позвольте спросить, так усердно работаете?

А. Подвожу баланс.

Я. Вовсе вам и не надо этим заниматься. Это делает клерк из Солсбери, когда подсчитывает налог с оборота. В деревне вам не придется возиться с цифрами. Чтобы старая миссис Уорд да стала заниматься таким делом!

А. Когда я купил у миссис Уорд лавку за ренту, я обнаружил, что она в расчетах значительно способнее меня. Ей бы следовало стать ростовщиком.

Я. Она и была ростовщицей. Брала пенни с шиллинга в неделю.

А. Значит, это составило четыреста—пятисот процентов годовых. Шейлок и тот покраснел бы.

Я. А много ли тут проку, если продаешь в кредит да еще ссужаешь покупателей деньгами, чтоб они тебе платили.

А. Миссис Уорд следовало отправиться в Женеву. Ей вполне по плечу международные финансовые дела.

Я. Ну, в этом-то я не очень смыслю, а вот беспокоиться из-за баланса вам нечего. Это за вас сделает бухгалтер.

А (*поднимается и выходит из-за прилавка, гордо размахивая листом с подвешенным балансом*). Это не бухгалтерский баланс. Это баланс Робинзона Крузо. Он составил баланс преимуществ и недостатков жизни человека, выброшенного на необитаемый остров. Я выброшен судьбой в деревню в Уилтшир Даунс. Я подвожу сходный баланс. Могу прочесть вам. (*Берет один из стульев для покупателей.*) Вы напомните мне обо всем, что я упустил.

Я. А ну, давайте. (*Берет другой стул.*)

А. Начну с положительных сторон.

Я. Со своих положительных сторон, хотите сказать?

А. Да нет же, с положительных сторон деревенской торговли как образа жизни.

Я. Чудить изволите.

А. Весьма невежливое замечание. С подобным замечанием невольница не должна обращаться к боссу. Нанимая вас своей помощницей, я повысил вам жалованье на том условии, что наши отношения будут соответствовать общепринятым нормам и носить деловой характер, как бы я порой ни забывался.

Я. Очень хорошо. Держите при себе свой баланс, а я займусь телефонным справочником.

А. Ничего подобного. Вы будете делать то, что я вам прикажу. За это я и плачу вам деньги. Извольте сесть.

(*Она подчиняется.*)

Теперь слушайте (*достает свой лист и начинает читать*). Пункт первый: я развиваю свои способности и потому сильно преуспел в развитии наблюдательности и математике.

Я. А покороче нельзя? Что это значит?

А. Это значит, что раньше я просто получал деньги и даже не давал себе труда их пересчитать. Теперь я довольно быстро считаю и произвожу расчеты. Раньше я не различал сортов яиц или масла. Яйцо для меня было просто яйцом, а масло — маслом. Теперь я критически вникаю в самые большие тонкости и даю им оценку в денежном выражении. Я вынужден признать, что лавочник стоит намного выше автора путеводителей «Марко Поло» и что за три месяца в этой лавке я узнал больше, чем за три года в Оксфорде.

Я. Что-то не верится в то, что вы сказали про ученье. Но вот ваши манеры — до чего они изменились!

А. Мои манеры?

Я. Да. Там, на пароходе, из вас, бывало, слова не вытянешь, а если кто ненароком к вам подойдет, вы так и оцетинитесь: боитесь, как бы кто из людей не вашего круга не заговорил с вами запросто, без церемоний. А теперь... До чего приятно услышать от вас: «Доброе утро! Чем могу быть полезен вам сегодня, миссис Барелл?» или: «Видели цветную капусту? Ничуть не пострадала от заморозков! Не угодно ли картошки, мадам? Отличная картошка!»

А. Я категорически отрицаю, что когда-либо в жизни сказал просвещенному покупателю «картошка» вместо «картофель». Конечно, если люди столь неве-

жественны, что не знают, как называется то, что они едят, тогда другое дело...

Я. Но все-таки вы стали обходительнее, верно я говорю?

А. Не знаю. Но я утратил искренность и бескорыстие.

Я. Будто вы раньше искренностью отличались. Все время людей сторонились. Ну а теперь, вы, что называется, свойский парень.

А. Мир стал миром покупателей. Дайте-ка я это запишу. (*Пишет на обороте листа с балансом: «Вежливость не возторжествует повсеместно, пока каждый не станет покупателем у каждого другого человека».*)

Я. А вы все-таки не настоящий лавочник, босс. У вас только и заботы чтоб записать что-нибудь умное.

А. А почему бы и нет? Говорите поумнее и побольше, вот вы и премьер-министр. Запишите это — и вы Шекспир.

Я. Вам то ни к чему становиться премьер-министром или Шекспиром. Вам нужно зарабатывать на жизнь.

А. Разве я не зарабатываю? Я не стал бедней с тех пор, как купил эту лавку.

Я. Но если вы расходуете все, что получаете, вы же ничего не можете скопить.

А. Терпеть не могу копить. Это озлобляет людей. Как говорится, «отпускай хлеб твой по водам, потому что по прошествии многих дней опять найдешь его»¹.

Я. Ну, а как же вы собираетесь прожить эти многие дни без хлеба?

А. Не знаю. Проживу как-нибудь. Хватит вопросов, продолжим подведение баланса.

Я. Так я о вас же пекусь.

А (*вставая, гневно*). Это самая оскорбительная вольность, какую может позволить себе человек. Какое вам до этого дело?

Я (*встает, глядя ему в лицо*). Если вы сами о себе не думаете, за вас должен думать кто-то другой. Это касается меня не меньше, чем вас.

А. Ну, разумеется! Чья это лавка? Я хочу сказать — кому она принадлежит?

Я. Я зарабатываю на жизнь в этой лавке. Если вы погорите, что будет со мной?

А. Если уж о том пошла речь, что будет со мной? Вы можете найти другую работу, но я очень сомневаюсь, что кто-нибудь даст работу мне. (*Более спокойным тоном.*) Почему бы вам не довольствоваться тем, что эта лавка может вполне прокормить двоих? (*Садится.*)

Я. А если троих?

А. Зачем делать предположение? Совершенно ясно, что этого не случится.

Я. Вовсе не ясно. Женитесь на ком-нибудь, вот нас и трое. А если еще дети пойдут?

А. Выход прост — я не женюсь.

Я. Откуда вам знать?

А. А вам?

Я. Я знаю. Вы уже были женаты и второй раз женитесь. Попадете на крючок. Таких и ловят.

А. Если я попадусь на крючок, этой женщине придется нести ответственность за

¹ Екклесиаст, гл. XI, ст. 1.

- последствия. Ей придется помогать мне в лавке. А вас я уволю.
- Я. Да ну вас, надоели. Так или иначе, вы поняли, к чему я клоню. (*Садится с убитым видом.*)
- А. Не понял.
- Я. Жена обходится дешевле, чем работница. Не говоря уж о том, что вам не придется вести холостяцкую жизнь.
- А. От работницы, если она вас не устраивает, можно и избавиться. От жены не избавишься.
- Я. Если б все так думали, люди вовсе б не женились.
- А. Совершенно верно.
- Я. В жизни приходится рисковать.
- А. Я рискнул, но удачно отделался.
- Я. Здесь у вас это не пройдет. Холостяков у нас не любят.
- А. Но и без лавочки они обойтись не могут, да и без почты тоже. Пока они у меня в руках, мое стратегическое положение незыблемо.
- Я. Знаете, мне не хотелось об этом говорить, но люди уже начинают распускать слухи.
- А. Начинают? А разве они когда-нибудь кончали?
- Я. Никакого толку нет с вами разговаривать.
- А. Ни малейшего.
- Я. Ну ладно, предупреждаю вас: через месяц я уйду. (*Встает.*)
- А. Через месяц?
- Я. Да, через месяц.
- А. Уходите лишь потому, что я не собираюсь жениться на какой-нибудь смехотворной деревенской девице или неграмотной вдове, с которой слова нельзя сказать.
- Я. Жены не для того, чтобы с ними разговаривать. Разговоры оставьте для гостей. Со мной вот вы наговорились вдоволь.
- А. Увольте меня от ваших разговоров.
- Я. Хорошо. Через месяц беру расчет.
- А. Хватит об этом. Все это вздор. На что вам жаловаться? Вы здесь вполне обеспечены. Я намеренно плачу вам на десять фунтов в год больше, чем вы получали бы в другом месте.
- Я. Почему?
- А. Что значит ваше «почему»?
- Я. Почему вы мне платите на десять фунтов в год больше? Могли бы нанять и другую.
- А. Одному богу известно.
- Я (*в ярости*). Да я сегодня же возьму расчет, сию же минуту! Можете удержать из моего жалованья! Сами не знаете, что вам нужно! Вы черствый человек. Ничего удивительного, что ваша жена померла. Наверно, умом тронулась?
- А. Да. Я один из тех невезучих мужчин, кто не вытянул счастливый билет в лотерее брака.
- Я (*с раскаянием*). Я ведь не знала, откуда мне было знать. Просто пошутила. (*Садится.*) Ни за что на свете не стала бы такое говорить, если б знала.
- А. Пустое, я понимаю, что вы не умышленно. К тому же я сделал неразумное замечание и обидел вас. Поверьте, я этого не хотел. Мне следовало серьезно вам объяснить, что я назначил вам на десять фунтов выше обычной платы, по-
- тому что ценю ваши услуги и готов всячески стимулировать ваше постоянное пребывание здесь.
- Я. Да чтобы я за лишних десять фунтов оставалась здесь всю жизнь — не вдовой, не мужней женой!
- А. Почему же? Вы можете выйти замуж, если пожелаете.
- Я. За кого же?
- А. Да за любого!
- Я. Значит, мне подходит любой, а вам так в целой деревне нет подходящей пары?
- А. Не надо сердиться.
- Я. А это уж как мне понравится. Если б вы знали, что у меня чуть было не сорвалась с языка пара лишних словечек, вы бы поняли, что женщине в жизни нужна не только работа да жалованье.
- А. Это мне отлично известно. Всех нас, когда мы молоды, влечет одно и то же.
- Я. Что же, позвольте вас спросить?
- А. Беспокойная жизнь, приключения, лишения, заботы, разочарования, сомнения, страдания, опасность и смерть.
- Я. Благодарю покорно. Меня это не влечет. Мне нужен муж и все, что из этого следует.
- А. Ну что ж, это то же самое. Замужество — деревенская форма все тех же эмоций.
- Я. Почему бы вам не смотреть на жизнь повеселее?
- А. Я научился не ждать от жизни слишком многого. В этом секрет истинного веселья, и я всегда получаю от жизни приятные сюрпризы вместо удручающих разочарований.
- Я. Ваша вторая женитьба может оказаться приятным сюрпризом.
- А. Что вы подразумеваете под моей второй женитьбой? Я был женат один раз.
- Я. Послушайте, давайте напрямик. Разве найдется в этой деревне мужчина, который пришелся бы мне по нраву теперь, когда я привыкла к вам?
- А. Моя дорогая, все мужчины одинаковы.
- Я. Хотите сказать, что для меня и разницы нет? Все равно за кого идти замуж?
- А. Боюсь, что эта разница незначительна.
- Я. А ведь женщины тоже все одинаковы.
- А (*подозрительно*). Куда вы клоните?
- Я. Если вообще не имеет значения, кого брать в мужья или в жены, то не все ли равно, за кого пойду я или на ком вы поженитесь.
- А. Женитесь, а не поженитесь.
- Я. Да говорите попросту, вы ж не по телефону объясняетесь. А я хочу сказать: раз мне все равно, значит, и вам все равно.
- А. Так вы, следовательно, признаете, что это не имеет никакого значения?
- Я. И не думаю. Ложь все это.
- А. О!
- Я. И нечего охать. Для меня мужчины совсем не одинаковы. Есть мужчины, казалось бы, всем хороши, а я им дотронуться до себя не позволю. А вас, как на пароходе увидела, так и сказала себе: «Я бы с ним поладила».
- А. Ничего подобного. Вы только что утверждали, что сказали нечто прямо

противоположное. А на самом деле вы, наверное, произнесли что-нибудь восторженное. Я — натура довольно слабая и привлекаю женщин энергичных, таких, как вы.

Я. Когда вы косились на меня — а вы косились на всех женщин, несмотря на свою хваленую сдержанность, — неужели вы ни разу не сказали себе: «Я бы с ней поладил»?

А. Нет. Я сказал: «Черт подери эту женщину! Не перестает болтать, мешает работать».

Я. Поверьте: мы будто друг для друга созданы. Может, вам это пока не ясно, но мне-то ясно: тут что-то есть, в простых делах я не ошибаюсь. Вот не верю, чтобы вы купили эту лавку и отказались от благородных занятий, если б меня тут не было.

А. Да, теперь, когда вы об этом заговорили, я понял, что так оно и есть: вы — одна из прелестей приобретенной мною недвижимости.

Я. Я могла бы стать одной из прелестей семейной жизни, как вы думаете?

А. Осторожнее! Вы можете получить то, чего добиваетесь, легче, чем думаете. Около пяти процентов рода человеческого состоит из самоуверенных, деспотичных стяжателей вроде вас. Они одержимы какой-нибудь страстью, которую должны удовлетворить во что бы то ни стало. Остальные позволяют им поступать, как им заблагорассудится. У них либо нет ни силы, ни смелости сопротивляться, либо все это кажется им сущим пустяком по сравнению со звездным небом или человеческой судьбой. Я не чета этим властным людям. За меня не стоит выходить замуж. Меня могла бы женить на себе любая, стоило бы ей хоть чуточку постараться.

Я. Вот этого-то я и боюсь. Если б я на месяц выпустила вас из виду, то в конце месяца вы бы женились на другой. Я не хочу рисковать. А по натуре я не властная и себялюбцев, людей чванливых и властных, люблю не больше вашего. Но вы должны быть моим и будете — и все тут.

А. Так я уже и так ваш хозяин. Вы от меня не зависите и можете уйти, если недовольны.

Я. Какое уж там довольство, если я не могу завладеть вами. Я работаю на вас, как невольница, вот уж почти месяц, а будь я вашей женой, мне пришлось бы работать еще больше, но порой мне так хочется обнять вас, чтобы вы принадлежали мне, только мне. Когда это случится, у вас будут мысли приятнее тех — о звездном небе, как вы говорите... Тогда вы поймете, что нужно не только рассуждать об умных вещах, но и о чувствах помнить.

А. Чувства? Да знаете ли вы, о чем говорите? Оглядитесь. В этой комнате есть все для удовлетворения чувств: яблоки, лук, уксус, перец, горчица, мягкие кашне и грелки. Мои глаза радуется старая церковь и рыночная площадь. Они создавались еще в те дни, когда искусство легко и свободно творили руки средневековых мастеров. Мои уши наполняют

дивные звуки — от воркования голубки и жужжания пчел до музыки Бетховена и Элгара, которую доносит радио. Мой нос может упиваться запахом свежей лаванды, здесь ее целый мешок, или дорогого одеколона, когда он не чует, как пахнет сухая земля, смоченная дождем. Мои чувства пресыщены всякого рода удовольствиями. Но когда я по горло сыт луком и уксусом, когда средневековая архитектура мне претит, и я скорей умру, чем гляну еще на один собор, когда мое единственное желание — отдохнуть от впечатлений, а не набираться новых, на что мне чувства, если звездное небо — это всего лишь бессмысленное скопление каменных громад и ступков газа, если рок не уготовил человеку, этому вредному и жалкому существу, ничего, кроме смерти и небытия?

Я. В деревне об этом не беспокоятся.

А. Нет, беспокоятся. Самый ходкий товар тут — «Альманах старого Мура»¹, затем «Книга судьбы Наполеона». Старая миссис Уорд никогда бы не продала мне свою лавку, если бы не верила, что конец света будет седьмого августа будущего года.

Я. Я в такую ерунду не верю. Какое это имеет отношение ко мне и к вам?

А. Вы неопытны. Вы ничего не знаете. Вы одурачены глупыми словами «чувственность», «чувственное восприятие» и прочей болтовней материалистов. Я не материалист, я — поэт, я знаю, что не найду удовлетворения чувств в ваших объятиях. А что касается просто физических ощущений, то и близость, которую вы предвкушаете, вы не найдете ни интересной, ни пристойной.

Я. О, не говорите так. Нельзя позволить себе так думать об этом.

А. Позвольте себе думать обо всем. Надо знать все, как оно есть на самом деле, а не по чужим разговорам. И все слова об удовлетворении чувств — лишь невинный девический лепет. Мы уйдем от мира чувств очень далеко. Мы зажжем друг для друга светильник в святой святых храма мироздания, и завеса станет прозрачной. Каменные громады, бесцельно блуждающие по вселенной, зажгутся в небесах ликующими звездами. Наше скучное деревенское существование обретет один-единственный смысл. Пусть несказанная радость продлится не дольше, чем вспышка молнии, озаряющая все вокруг темной ночью, и не успеете вы очнуться от ослепления, все снова померкнет. Но вы увидите это своими глазами и отныне будете думать о том, что видели, а не бросать на ветер модные словечки, которые выдумали зачахшие старые девы, ходящие во тьме. Все — ради волшебного мгновения, когда мы почувствуем, что должны раскрыть друг другу объятия. Когда оно наступит, мир чувств исчезнет и для нас не будет ничего смешного, неудобного, нечистого. Нам откроются врата рая.

¹ Ежегодный астрологический журнал.

Я. Ну что ж, я рада, что у вас такие хорошие намерения, я никогда не хотела быть только игрушкой для мужчины. Но вам не следует ждать слишком многого.

А. Нет, я буду ждать многого, куда больше, чем вы думаете, несмотря на безграничную женскую наглость. Да разве великие люди женились бы когда-нибудь, если бы ничтожества женского пола, которые поймали их на крючок, осознали всю гнусность своей самонадеянности? Полагаю, все они думали, что облагородят, воспитают, сделают настоящих джентльменов из своих мужей. Интересно, кем вы собираетесь сделать меня?

Я. Ну, я уже сделала из вас приличного лавочника, верно? Но не думайте, будто я не знаю вам цены. Мне нужен необыкновенный муж, а не простой деревенский парень — такого любая найдет. Я буду гордиться вами. Все-таки я вас заарканила, диву даюсь своему нахальству.

А. Я тоже.

Я. Но я вовсе не такая, правда. Не горжусь, что это на меня нашло. Все будет хорошо, не бойтесь. Я не могу сказать об этом так красиво, как вы, но все будет хорошо. Я вам обещаю.

А. Отлично. Сходите к пастору и договоритесь о заключении брака. Скажите его жене, что у нас сегодня прекрасные артишоки. Она любит артишоки.

Я. Вы чувствуете себя счастливым?

А. Я не знаю, что я чувствую. Идите и делайте, как вам говорят. Не задавайте дурацких вопросов.

Телефонный звонок. Она поспешно снимает трубку.

Я. Какой номер? Ах, заказ... Благодарю вас. Да, нам утром завезли отличные артишоки. Благодарю вас, их тотчас же отправят. Я хочу еще кое-что сказать, вы слышите? Извините, что задерживаю вас, но могла бы я поговорить с пастором? Да, это особый разговор. Речь идет о браке, по буквам: Б — бахвальство, Р — рок, А — авантюра, К — конец. Кто вступает в брак? Ах, имена... Ну, конечно. Это...

ЗАНАВЕС

ДЖОН ДЖОНИК.
США.

Без слов